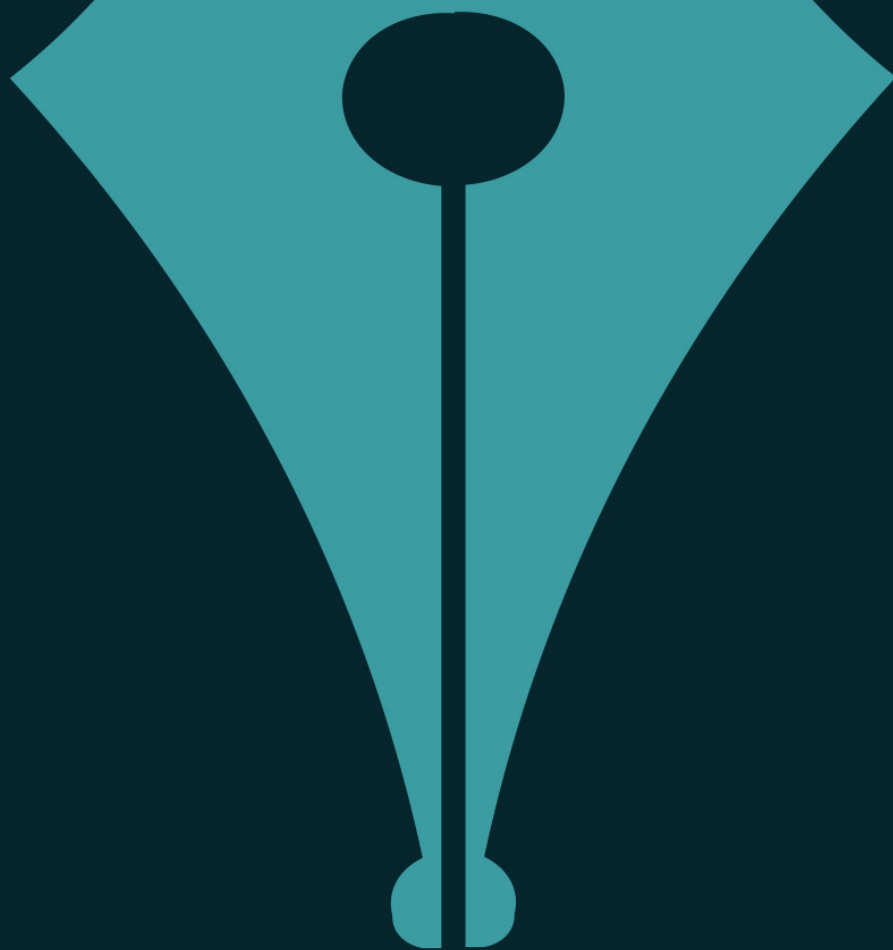

ИВАН БУНИН

НА ДАЧЕ

Иван Бунин

На даче

«ЭКСМО»

1895

Бунин И. А.

На даче / И. А. Бунин — «Эксмо», 1895

«Окна в сад были открыты всю ночь. А деревья раскидывались густой листвой возле самых окон, и на заре, когда в саду стало светло, птицы так чисто и звонко щебетали в кустах, что отдавалось в комнатах. Но еще воздух и молодая майская зелень в росе были холодны и матовы, а спальни дышали сном, теплом и покоем...»

© Бунин И. А., 1895

© Эксмо, 1895

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Иван Бунин

На даче

I

Окна в сад были открыты всю ночь. А деревья раскидывались густой листвой возле самых окон, и на заре, когда в саду стало светло, птицы так чисто и звонко щебетали в кустах, что отдавалось в комнатах. Но еще воздух и молодая майская зелень в росе были холодны и матовы, а спальни дышали сном, теплом и покоем.

Дом не походил на дачный; это был обыкновенный деревенский дом, небольшой, но удобный и покойный. Петр Алексеевич Примо, архитектор, занимал его уже пятое лето. Сам он больше бывал в разъездах или в городе. На даче жила его жена, Наталья Борисовна, и младший сын, Гриша. Старший, Игнатий, только что кончивший курс в университете, так же, как и отец, появлялся на даче гостем: он уже служил.

В четыре часа в столовую вошла горничная. Сладко зевая, она переставляла мебель и шаркала половой щеткой. Потом она прошла через гостиную в комнату Гриши и поставила у кровати большие штилеты на широкой подошве без каблука. Гриша открыл глаза.

– Гарпина! – сказал он баритоном. Гарпина остановилась в дверях.

– Чого? – спросила она шепотом.

– Поди сюда.

Гарпина покачала головой и вышла.

– Гарпина! – повторил Гриша.

– Та чого вам?

– Поди сюда... на минутку.

– Не піду, хоч заріжте!

Гриша подумал и крепко потянулся.

– Ну, пошла вон!

– Бариня загадали вчера спитать вас, чи поїдете у город?

– А дальше?

– Казали, щоб не їздили, бо барин сьогодні прїїдуть.

Гриша, не отвечая, одевался.

– Повотенце? – спросил он громко.

– Та на столі – он! Не збудить бариню...

Заспанный, свежий и здоровый, в сером шелковом картузе, в широком костюме из легкой материи, Гриша вышел в гостиную, перекинул через плечо мохнатое полотенце, захватив стоявший в углу крокетный молоток, и, пройдя переднюю, отворил дверь на улицу, на пыльную дорогу.

Дачи в садах тянулись и направо и налево в одну линию. С горы открывался обширный вид на восток, на живописную низменность. Теперь все сверкало чистыми, яркими красками раннего утра. Синеватые леса темнели по долине; светлой, местами алой сталью блестела река в камышах и высокой луговой зелени; кое-где с зеркальной воды снимались и таяли полосы серебряного пара. А вдали широко и ясно разливался по небу оранжевый свет зари: солнце приближалось...

Легко и сильно шагая, Гриша спустился с горы и дошел по мокрой, глянцевитой и резко пахнущей сыростью траве до купальни. Там, в дощатом номере, странно озаренном матовым отсветом воды, он разделся и долго разглядывал свое стройное тело и гордо ставил свою красивую голову, чтобы походить на статуи римских юношей. Потом, слегка прищуривая серые

глаза и посвистывая, вошел в свежую воду, выплыл из купальни и сильно взмахнул руками, увидав, что на горизонте чуть-чуть показавшееся солнце задрожало тонкой огнистой полоской. Белые гуси с металлически-звонкими криками, распустив крылья и шумно бороздя воду, тяжело шарахнулись в тростники. Широкие круги, плавно перекатываясь, закачались и пошли к реке...

– Григорий Петрович! – крикнул чей-то голос с берега.

Гриша перевернулся и увидел на берегу высокого мужика с русской бородою, с открытым лицом и ясным взглядом больших голубых глаз на выкате. Это был Каменский, «толстовец», как его называли на дачах.

– Вы придете сегодня? – крикнул Каменский, снимая картуз и вытирая лоб рукавом замашкой рубахи.

– Здравствуйте!.. Приду, – отозвался Гриша. – А вы куда, если не секрет?

Каменский с улыбкой взглянул исподлобья.

– Ведь вот люди! – сказал он важно и ласково. – Всё у них секреты!

Гриша подплыл к берегу и, стоя и качаясь по горло в воде, пробормотал:

– Ну, если хотите, не секрет... Я просто полюбопытствовал, почему вы меня спросили?

– А мне нужно побывать у знакомых.

– Да, так вы в город едете!

– Разве в город только ездят? – снова перебил Каменский. – И разве знакомые бывают только в городе?

– Конечно, нет. Только я не понимаю...

– Вот это верно. Я сказал, что буду и в городе и у знакомых – вот тут недалеко – на огородах.

– Так, значит, попоздней прийти?

– Да, попоздней.

– Тогда до свидания! – крикнул Гриша и подумал: «Правду говорит Игнатий – психопаты!» Но, отплывши, он опять обернулся и пристально посмотрел на высокую фигуру в мужицкой одежде, уходившую по тропинке вдоль реки.

На реке еще было прохладно и тихо. За лугами, в синеющей роще, куковала кукушка. У берега зашуршали камыши, и из них медленно выплыла лодка. Седенький старичок в очках и поломанной соломенной шляпе сидел в ней, рассматривая удочку. Он поднял ее и соображал что-то, лодка остановилась и вместе с ним, с его белой рубашкой и шляпой, отразилась в воде. А из купальни слышались крики, плеск и хохот. По гнущимся доскам бежали с берега, стуча сапогами, гимназисты, студенты в белых кителях, чиновники в парусинных рубашках...

Грише не хотелось возвращаться туда, и он стал нырять, раскрывать глаза в темно-зеленой воде, и его тело казалось ему чужим и странным, словно он глядел сквозь стекло. Караси и гольцы с удивленными глазками останавливались против него и вдруг таинственно юркали куда-то в темную и холодную глубину. Вода мягко, упруго сжимала и качала тело, и приятно было чувствовать под ногами жесткий песок и раковины... А наверху уже припекало. Теплая, неподвижная вода блестела кругом, как зеркало. С зеленых прибрежных лозин в серых сережках тихо плыл белый пух и тянуло запахом тины и рыбы.

II

Ровно час после купанья Гриша посвятил гимнастике. Сперва он подтягивался по канату и висел на трапедии в саду, потом в своей комнате становился в львиные позы, играя двухпудовыми гириями.

Со двора звонко и весело раздавалось кудахтанье кур. В доме еще стояла тишина светлого летнего утра. Гостиная соединялась со столовой аркой, а к столовой примыкала еще небольшая комната, вся наполненная пальмами и олеандрами в кадках и ярко озаренная янтарным солнечным светом. Канарейка возилась там в покачивающейся клетке, и слышно было, как иногда сыпались, четко падали на пол зерна семени. В большом трюмо, перед которым Гриша ворочал тяжестими, вся эта комната отражалась в усиленно-золотистом освещении с неестественно прозрачной зеленью широкой цветочной листвы.

Когда же Гриша вышел на балкон, сел за накрытый стол и, покачиваясь на передних ножках стула, стал, слегка расширяя ноздри, медленно пить молоко, в тишине дома раздался томный голос Натальи Борисовны:

– Гарпина!

«Какая скука! – подумал Гриша. – Каждый день начинается одним и тем же воззванием!»

– Гарпина! – повторила Наталья Борисовна нетерпеливее. – Гри-иша!

Гриша лениво поднялся с места.

– Ну, что тебе? – сказал он, входя в спальню.

Наталья Борисовна, полная женщина лет сорока, сидела на постели и, подняв руки, подкалывала темные густые волосы. Увидав сына, она недовольно повела плечом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.